

УДК 316.422.6

АНАТОЛИЙ АРСЕЕНКО,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела экономической социологии Института социологии НАН Украины

Демистификация “новой экономики” и проблема безработицы в США и Евросоюзе в условиях глобального кризиса

Аннотация

Статья посвящена исследованию воздействия современного глобального финансового и экономического кризиса на рынок рабочей силы и социально-экономическое положение трудящихся в США и странах-членах Европейского Союза. Особое внимание обращается на обострение проблемы безработицы в названных странах под влиянием кризисных явлений в глобальной экономике и социальные последствия сокращения занятости в ходе кризиса. Автор анализирует регулирование рынка рабочей силы в США и странах ЕС, делает сравнительный анализ динамики безработицы в Новом и Старом Свете, показывает ухудшение положения американского и европейского рабочего класса в результате кризиса.

На конкретных примерах автор показывает неадекватность многих мифов так называемой новой экономики, которая якобы списывает циклические колебания капиталистического производства в исторический архив. Также исследуется виртуальный характер информационной экономики и последствия финансовализации экономики США и ЕС в контексте внедрения неолиберальной модели экономического развития в капиталистическом мире. На основе анализа современной мировой ситуации автор приходит к выводу о системном характере первого глобального финансового и экономического кризиса, крушении неолиберальных моделей капиталистического развития на пороге нового XXI века и необходимости поиска и реализации более прогрессивного, гуманного, демократического и справедливого способа общественного производства и развития.

Ключевые слова: США, Европейский Союз, неолиберализм, “новая экономика”, глобальный финансово-экономический кризис, занятость, безработица

В поисках формулы социально-экономического развития в XXI веке

В преддверии XXI века ведущие западные капиталистические страны и региональные блоки выдвинули амбициозные проекты социально-экономического развития в новом столетии. К их разработке были привлечены лучшие интеллектуальные силы. Например, в бастионе глобального капитализма — Соединенных Штатах Америки — научным исследованием и сценарным моделированием будущего занималась вся “аналитическая рать” — от мириады “фабрик мысли” (типа РЭНД) до множества спецслужб (типа ЦРУ). Названные планы породили большие ожидания относительно улучшения положения миллионов простых людей в США и других странах Запада; люди верили в “дивиденды мира” после окончания холодной войны и считали, что одной из главных задач государства после падения Берлинской стены должно стать решение многих острых и неотложных национальных проблем. Речь шла прежде всего о мерах, направленных на сокращение безработицы, лишившей права на труд миллионы людей, и сужении пропасти между богатыми и бедными, принявшей беспрецедентные масштабы в большинстве стран капиталистического мира на изломе веков. В США эти тенденции посеяли сомнения в перспективе реализации большинством населения “американской мечты”, в Западной Европе — в возможности сохранить более-менее достойный уровень жизни, завоеванный в упорной борьбе организованного в профсоюзы труда с капиталом.

Нельзя сказать, что все эти проблемы были полностью проигнорированы в ориентирах социально-экономического развития западных стран. Но социальные вопросы занимали в них далеко не приоритетное место и, самое главное, не были выполнены в намеченные сроки практически по всем показателям. Наглядным примером в этом отношении служит провал Лиссабонской стратегии–2000, которая не только не решила очерченные в ней социальные проблемы, но и не превратила Европейский Союз к 2010 году, как это зафиксировано в названном документе, в самый динамичный и конкурентоспособный экономический регион мира. В результате Лиссабонскую стратегию–2000 в марте 2010-го сменил менее претенциозный проект “Европа–2020”. В нем подтверждается приверженность Европы сохранению своей социально-экономической модели, включая такие ее компоненты, как социальная защита, занятость и экономический рост. Правда, планами восстановления ЕС после выхода из современного финансово-экономического кризиса предусматривается повышение занятости населения ЕС в возрасте от 20 до 64 лет всего-навсего с 69% до 75% к 2020 году и снижение числа европейцев, живущих за чертой бедности, с 80 млн до 60 млн чел. [Европа, s.a.]. По пути пересмотра проектов социально-экономического развития и поиска новых формул роста пошли и многие другие капиталистические страны.

В 1990-е годы экономика США и других западных стран, получивших доступ к новому и весьма емкому “постсоциалистическому” рынку, развивалась относительно стабильно, власти не предвидели особых кризисных потрясений в центре капиталистического мира, а имевшиеся прогнозы о грядущем финансовом обвале не принимались ими во внимание. Для поддержания веры в незыблемость “общества потребления” старые и новые проекты развития побуждали людей труда совместными усилиями спосо-

бствовать росту общего экономического пирога, исходя из того, что чем большего размера будет совокупный национальный пирог, тем больший ломоть достанется каждому члену общества. Тем самым за скобки выносился вопрос о том, что бедственное положение миллионов людей труда на Западе обусловлено отнюдь не величиной экономического пирога, то есть ВВП, а социальной несправедливостью в его распределении. Крен западного истеблишмента в сторону мобилизации усилий трудового народа на решение задач экономического роста был продиктован в странах “золотого миллиарда” планеты не заботой о своих ближних, а желанием расширить “социальное партнерство” менеджмента с профсоюзами, чтобы осуществить “социальный рывок” буржуазии после развала мировой социалистической системы, не подвергая опасности “социального взрыва” власть имущих и сильных мира сего в западных странах. С той же целью большой бизнес с помощью капиталистического государства приступил к превращению организованного труда в неорганизованный труд посредством “ломки” и демонтажа профсоюзного движения, с тем чтобы последнее не препятствовало триумфальному шествию неолиберализма по планете.

Планы плутократии в ведущих западных странах и региональных блоках строились с учетом колоссальных глобальных геополитических и геоэкономических перемен в мире, вызванных разрушением Советского Союза, и преследовали цели построения динамичной и конкурентоспособной экономики в рамках действующей капиталистической неолиберальной парадигмы, чтобы потеснить своих соперников в борьбе за “место под солнцем” и занять доминирующие позиции на международной арене. Основное состязание в этом отношении развернулось между двумя главными глобальными игроками в планетарном пространстве: США, стремящимися к продлению своего мирового господства в новом веке (“*Rex Americana*”), и ЕС, претендующим на то, чтобы стать новым центром глобальной экономики после грядущего заката глобальной “миссии” США. В этом контексте весьма показательно, что если доклад Национального разведывательного совета США под названием “Контурные мировые будущего–2020”, опубликованный в декабре 2004 года в США, прогнозировал доминирующее положение Соединенных Штатов, то сменивший его недавно доклад того же самого совета “Глобальные тенденции–2025: меняющийся мир” предполагает переход мира к многополярности [Мир после кризиса, 2009: с. 26]. В новой международной системе и обстановке Соединенные Штаты будут по-прежнему играть весомую роль в мировых делах, но они будут всего лишь одним из многих игроков на “большой шахматной доске”.

В ответ на расширение ЕС и угрозу создания “Соединенных Штатов Европы” кормчие США выдвинули идею учреждения единого “супергосударства” в Северной Америке за счет объединения в его составе нынешних стран-участниц Соглашения о североамериканской зоне свободной торговли (North American Free Trade Agreement — НАФТА, или НАФТА) — США, Канады и Мексики. Таким образом Соединенные Штаты хотят противопоставить процессу “европеизации” Европы НАФТА-изацию Северной Америки [Aspinwall, 2009: p. 74], преследуя цель не только сохранения своей гегемонии на этом континенте, но и тотальной реализации давних имперских амбиций США в Южной Америке, считавшейся в прошлом веке вотчиной или “задним двором” США. Для создания противовеса расширению

и укреплению еврозоны на берегах Потомака заговорили о необходимости введения новой североамериканской валюты для стран-членов НАФТА — “амеро”. Проблемы НАФТА-изации Северной Америки ежегодно обсуждаются на встречах глав государств “североамериканской тройки” за закрытыми дверями, что вызывает большую тревогу канадского и мексиканского народов, изрядно пострадавших в результате навязанной им НАФТА-изации. Ибо интеграция слабого с сильным всегда ведет к выигрышу сильного и еще большему ослаблению слабого. За примерами такого рода далеко ходить не надо, достаточно объективно оценить, во что вылилось вхождение в ЕС для народов прибалтийских стран — Латвии, Литвы и Эстонии.

Старый и Новый Свет приступили к реализации своих новых амбициозных проектов, оформленных в виде соответствующих прогнозов–доктрин–стратегий, с оглядкой на развитие событий в Китае и других странах Юго-Восточной Азии, ставших родиной “экономического чуда” на исходе XX века и демонстрирующих высокие темпы роста в веке XXI, несмотря на обострение кризисных явлений в глобальной экономике. Серьезное беспокойство доставляет США и ЕС возможность объединения сил четырех мировых гигантов — Бразилии, России, Индии и Китая (БРИК) — для координации действий в многополярном мире, идущем на смену однополюсному миру во главе с американским империализмом, выполняющим в настоящее время функции “глобального шерифа”. Однако сегодня все больше стран и народов стремятся вырваться из тисков американизации и вестернизации в результате осознания того факта, что “ноша цивилизатора, модернизатора, демократизатора, освободителя и т.д. требует создания конструкций нецивилизованных, досовременных, поработанных автократией и невежеством народов, нуждающихся в развитии” [Barkawi, 2009: p. 128], а это вряд ли будет служить преодолению вековой отсталости зависимых от Запада стран, прежде всего его бывших колоний, а также решению ими своих неотложных проблем в интересах своих народов. Куда ведет “цивилизационная миссия” США “варварские народы”, хорошо видно на примере Афганистана и Ирака, фактически оккупированных сегодня натовской военщиной.

Для придания большей привлекательности своим перспективам, изложенным в проектах развития в новом веке, США и ЕС не скупилась на эпитеты в характеристике грядущих социальных перемен, называя конструируемые и создаваемые ими социальные мегаобщества “постэкономическими”, “постматериальными”, “постиндустриальными”, “технотронными”, “информационными” и т.д. Хотя никаких оснований говорить о каких-либо принципиальных изменениях в области производственных отношений в рамках названных выше необществ, служащих прикрытием глобального капитализма, не было, нет и быть не может. Важное место в этих мнимых социальных инновациях заняли квазинаучные выводы о появлении на Западе в конце XX века так называемой новой экономики, которые зиждились на гиперболизированных представлениях о последствиях внедрения в социально-экономическую практику новейших достижений научно-технологической революции в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). В модернистской интерпретации со стороны приверженцев новой “информационной экономики” в этой сфере хозяйственной жизни сбор, обработка, хранение и распространение информации, не уменьшающейся даже в результате многократного использования, станут такими же

рутиной и сырьем, какими были добыча руды и угля в индустриальную эпоху. Эйфория по поводу диффузии ИКТ зашла на Западе так далеко, что некоторые глашатаи “постиндустриальной” эры поспешили заявить, что пришло время сдать в архив традиционное представление о циклическом развитии капиталистической экономики. Хотя спады и подъемы производства, как и кризисы валютно-финансовой системы на Западе, всегда были и продолжают оставаться вечными спутниками капитализма.

После Второй мировой войны циклические кризисы в мире капитала все теснее переплетаются с серьезными валютными потрясениями, финансовые кризисы приобрели перманентный характер и с каждым новым повторением представляли собой все большую угрозу функционированию мирового капиталистического хозяйства. В период с 1945-го по 1970-й в капиталистических странах было зафиксировано 56 финансовых кризисов, с 1970-го по 2009-й — 378 [Harvey, 2009]. Усиление экономической нестабильности на Западе, начавшееся в последней трети XX века, было в значительной степени связано с профессиональной травлей и ослаблением позиций кейнсианства, а также насаждением неоллиберализма новым экономическим мейнстримом. По подсчетам частной неприбыльной организации американских профессиональных экономистов — Национального бюро экономических исследований, в бастионе мирового капитализма — США — с 1854 года до конца XX века были зарегистрированы 31 экспансия и 31 рецессия капиталистического производства [Economic Report, 2000: p. 75]. Экономические кризисы основательно потрепали в XX веке экономику № 1 в мире, особенно в 1900–1903, 1907, 1920, 1929–1933, 1937–1938, 1948–1949, 1953–1954, 1957–1958, 1960–1961, 1966–1967, 1974–1975, 1979–1982, 1990–1993 годах [Гринин, Коротаев, 2010]. Тем не менее приведенная статистика циклических колебаний американской экономики не помешала отдельным американским наблюдателям, как свидетельствует последний экономический доклад, направленный Конгрессу США последним президентом США в XX веке Биллом Клинтонем, утверждать, “что экономика в 1990-е годы существенно изменилась и что понятие традиционного экономического цикла является устарелым” [Economic Report, 2000: p. 74]. Однако слухи о якобы магических свойствах “новой экономики” в антикризисном отношении оказались, выражаясь словами известного американского писателя Марка Твена, слишком преувеличенными. Чтобы убедиться в призрачности надежд американского истеблишмента на “бескризисное” развитие в США, долго ждать не пришлось. Не успели высохнуть чернила на подписи Билла Клинтона под “Экономическим докладом президента–2000”, как досушие рассуждения о “бескризисном” развитии США сменились бурными дебатами по поводу разработки и претворения в жизнь антикризисных мер на Капитолийском холме.

От “бескризисного” развития — к системному кризису глобального капитализма

Первый экономический кризис, разразившийся в США в начале XXI века (2001–2002), был кризисом новых компаний, тесно связанных с Интернет-технологиями и призванных стать главными двигателями “бескризисного” развития в главной стране капиталистического мира после ее вступления на информационный путь экономического роста. Коллапс мно-

гих из них был обусловлен быстрым ростом ИКТ и котировок акций этих компаний, а также не менее стремительным “сдуванием” спекулятивного фондового “пузыря”. Благодаря этому кризис 2001–2002 годов вошел в экономическую историю США и других ведущих стран Запада как “дот-комовский пузырь” (*dot-com bubble*) или же как “информационно-технологический пузырь” (*IT bubble*). В названии этого кризиса получил отражение искусственный подъем с помощью интенсивных рекламных мероприятий стоимости акций новых информационных компаний. В некоторых из них стоимость одной акции в 1990-е выросла буквально в сотни раз, несмотря на то что вся собственность таких компаний зачастую состояла всего из нескольких комнат и пары компьютеров. Примером виртуального характера “лидеров” “новой экономики” может служить американский Интернет-провайдер America Online, капитализированная стоимость которого (при незначительной стоимости балансовых активов) в 1999 году в четыре раза превышала этот показатель крупнейшего гиганта мирового автомобилестроения — транснациональной корпорации “General Motors” [Кобяков, Хазин, 2003: с. 134–135].

В пламени экономического кризиса 2001–2002 годов в результате трехлетнего падения фондового рынка США “сторе́ло” не менее 8,5 трлн долл. американского фиктивного богатства [Кобяков, Хазин, 2003: с. 136–137]. Спад производства в США на пороге XXI века до предела обнажил все пороки спекулятивной капиталистической экономики. По признанию ряда исследователей этого кризиса, развитие событий на фондовом рынке в США в начале третьего тысячелетия напомнило об экономических перипетиях 300-летней давности, когда впервые был введен в финансовый оборот термин “Южноморской пузырь”. Последний указывал на причины и последствия тяжелого финансового кризиса в Англии, который разразился в 1720-м и до сих пор часто упоминается в социально-экономическом дискурсе при описании спекулятивных процессов в капиталистической экономике. Этимология этого выражения связана со спекулятивной деятельностью основанной в 1711 году “Южной Морской Компании” (*South Sea Company*), которая обладала в то время монополией на торговлю с Южной Америкой и предложила британскому правительству в 1719 году, что возьмет на себя ответственность за половину национального долга страны в обмен на дальнейшие уступки и привилегии для *South Sea Company* в ведении торговли с Южной Америкой. Эта сделка получила поддержку со стороны британского государства и повлекла за собой беспрецедентную оргию финансовых спекуляций, взрыв созданного финансового “пузыря” и массовое разорение акционеров, а после предания гласности закулисных афер и махинаций в правящих верхах — признание кабинета министров виновным в коррупции и, соответственно, политический кризис в Англии [Sloan, Zurcer, 1970: p. 408; *South Sea Bubble*, s.a.].

В этом контексте австралийский эксперт в области ИКТ, историк Ян Питер пишет: “Со времени Южноморского пузыря в начале 1700-х годов западные экономические системы не испытывали ничего подобного тому, чем стал для них дот-комовский экономический пузырь. Внезапно каждый захотел поучаствовать в этом деле; обычно проницательные инвесторы сходили с ума, мамы и папы тоже приобщились к этому безумию. Некоторые видели в эре dotcom возможность накопления большого богатства. Но почти внезапно все это исчезло в течение 2000–2001 годов. Пророки грядущего информационного века больших свершений исчезли вместе с денежно-кредитной при-

былью, и все мы начали приспособляться к более нормальной жизни, хотя и очень обогащенной крупномасштабным утверждением Интернета в западных странах” [Peter, s.a.]. За резким лавинообразным падением котировок акций Интернет-компаний в Соединенных Штатах последовала мощная волна скандальных разоблачений и банкротств, смывшая сперва гигантскую американскую энергетическую корпорацию Enron и ее трейдинговое отделение Enron Online. Вскоре та же волна накрыла такие респектабельные информационные компании, как WorldCom, Xerox и десятки иных, похоронив множество политических мифов о магических свойствах “новой экономики”.

Для вывода экономики США из биржевого обвала потребовалось многократное и сильное понижение учетной ставки Федеральной резервной системой, а также война в Ираке, давшая импульс очередному ренессансу “военного кейнсианства” в Соединенных Штатах. По сути экономический кризис 2001–2002 годов был предвестником глобальной Великой депрессии, однако никаких выводов из этой спекулятивной истории в США не было сделано. Одна из основных причин этого заключается в том, что к тому времени неолиберальная риторика превратила жадность, обогащение и потребление в высшие человеческие ценности в стране, где “четверть всех американцев прямо или косвенно вовлечены в биржевую деятельность” [Гэлбрейт, 2009: с. 11]. По другим данным, в начале XXI века более 50% домохозяйств в США владели акциями и играли на фондовом рынке, что способствовало интенсификации “биржевой лихорадки” в центре капиталистического мира [Кобяков, Хазин, 2003: с. 149]. В этих условиях курс финансового капитала на снятие всех барьеров на пути движения капитала совпадал с интересами многих из тех, кто в последние годы вынужден был, прибегая к кредиту, тратить больше, чем зарабатывал своим трудом в промышленности, сфере услуг или “третичном” секторе. Кстати, такой образ жизни не просто поддерживался, а поощрялся государством, что сыграло важную роль в развитии нынешнего глобального финансового кризиса, который “по масштабу и сложности проявлений не имеет исторических аналогов — это первый по-настоящему глобальный кризис в истории человечества” [Зомбанакис, 2009: с. 5].

“Наиболее кардинальной трансформацией политических стратегий в последние десятилетия стало широко распространенное движение в направлении финансовой и иных форм либерализации. Наряду с отменой в 1999 году американского закона Гласа–Стигалла 1933 года, что создало рискованный ипотечный рынок для заемщиков с безупречной кредитной историей, это спровоцировало финансовый кризис в августе 2008 года” [Arestis, Singh, 2010: р. 225], — отмечалось недавно на страницах британского “Cambridge Journal of Economics”. В соответствии с названным выше Законом о создании Федеральной корпорации по страхованию депозитов, одобренным 16 июня 1933 года, депозитные и инвестиционные функции банков в США были разделены, чем ставился серьезный барьер спекулятивным операциям и гарантировалось страхование банковских депозитов в сумме до 5000 долл. Аннулирование закона Гласа–Стигалла развязало руки финансовому капиталу и сыграло важную роль в *финансиализации* экономики США, суть которой определяется как “перемещение центра тяжести в капиталистической экономике с производства на финансы” [Foster, 2010]. Это привело к созданию в США и других странах новых финансовых инструментов — фьючерсов, оп-

ционов, деривативов¹ и иных производных показателей, использование которых существенно повысило удельный вес финансового сектора в увеличении прибыли. Накануне кризиса доля финансового сектора в валовой корпоративной прибыли достигла 42% по сравнению с 25% в начале 1980-х годов. С другой стороны, нефинансовые фирмы в развитых капиталистических странах в то же самое время в большей мере использовали прибыль для оплаты дивидендов, чем для инвестирования реального производства. С последней целью в 2000-е годы в развитых странах использовалось менее 40% прибыли, что было на 8% ниже, чем в начале 1980-х годов [Raymond, 2010].

Финансиализация хозяйственной жизни способствовала созданию на Западе “экономики казино”, которая в середине 2008 года сорвалась в штопор и увлекла за собой в “черную дыру” новой Великой депрессии большинство стран мира. В первую очередь пострадали наиболее интегрированные в глобальное экономическое пространство и ориентированные на экспорт страны, а также наименее развитые, беднейшие государства. “Коллапс одного американского инвестиционного банка 15 сентября 2008 года вызвал паралич в глобальной финансовой системе, который перешел в глобальный экономический кризис и кризис рабочих мест, свирепствовавшие во всем мире на протяжении всего 2009 года. Этот кризис быстро распространился по всему земному шару, нанося ущерб экономикам, уменьшая производственные мощности промышленных предприятий и вытесняя миллионы людей с работы. В дополнение к этому многие рабочие были вынуждены пойти на более уязвимые формы занятости. В свою очередь, это привело к росту дефицита достойного труда, разбуханию ненадежных условий занятости и увеличению рядов работающих бедных” [Global Employment Trends, 2010: p. 6], — так характеризовала Международная организация труда глобальные тенденции в области занятости в 2010 г. В цитируемом документе МОТ также подчеркивалось, что самое резкое повышение уровня безработицы по регионам с начала кризиса отмечалось в развитых странах и ЕС.

В Итоговом документе Конференции по вопросу о мировом финансово-экономическом кризисе и его последствиях для развития, проходившей с 24 по 30 июня 2009 года в Нью-Йорке под эгидой ООН, также подчеркива-

¹ *Фьючерс* (future) — это контракт о купле – продаже по фиксированной цене в зафиксированный период в будущем. Поскольку возможны совпадения по времени и дате с другими контрактами, фьючерсами можно торговать и на фондовых биржах. *Опцион* (option) — это обусловленное договором право на покупку или продажу сырья или инвалюты по согласованным ценам в любое время в течение трех месяцев со дня подписания контракта. Кроме опционов, покупаемых и продаваемых для поддержания нормальных торговых сделок, некоторые из них продаются и покупаются спекулянтами в расчете на случайные прибыли. Торговля опционами осуществляется на фьючерсном рынке. *Дериватив* (derivative) — это производный финансовый показатель, значение и величина которого зависят от других финансовых инструментов, характеризующих финансовые операции. Такие производные, как опцион или фьючерс, с изменяющимся индексом цен, будут всегда увеличиваться как только цена/значение связанных с ними ценных бумаг либо других финансовых инструментов, на которые они ориентируются, будут также увеличиваться. Деривативы являются рискованными финансовыми средствами: они позволяют инвесторам получить большую прибыль от вложенного доллара, если стоимость ценной бумаги, на которой базируется данная производная, идет вверх, однако в противном случае и потери могут быть значительными.

лось, что в наши дни мир испытывает самый тяжелый кризис со времен Великой депрессии, начавшийся внутри крупнейших мировых финансовых центров и распространившийся затем на всю мировую экономику, включая развивающиеся страны, которые не были причиной глобального кризиса, но тем не менее серьезно страдают от него. Кризис поставил под сомнение возможность достижения согласованных ранее на международном уровне целей в области развития, в том числе в Декларации тысячелетия. В особенно трудное положение попали наименее развитые страны, малые островные развивающиеся государства, не имеющие выхода к морю развивающиеся страны, африканские страны и страны, пережившие недавно конфликты. По прогнозу ООН и других международных организаций, в ближайшем будущем человечество столкнется с самым значительным сокращением мирового валового продукта со времен Второй мировой войны, что повлечет за собой бедственные последствия как для индивидов, так и для развития стран. Миллионы людей во всем мире потеряют работу, окажутся в условиях крайней нищеты. В результате нынешнего глобального кризиса количество голодающих и не получающих достаточного питания людей превысит в мире 1 млрд человек [United Nations, 2009: p. 1–3].

Обострение множества противоречий в мире капитала на пороге XXI века убедительно свидетельствует, что современный глобальный финансово-экономический кризис принимает затяжной характер и все теснее и теснее переплетается с продовольственным, экологическим, энергетическим и другими кризисами. По признанию профессора экономики Массачусетского университета в Амхерсте Дэвида Коутса, “современный кризис следует рассматривать как системный кризис специфической формы капитализма, а именно — неолиберального капитализма” [Kotz, 2009: p. 306]. “Коллапс экономической активности — от инвестирования до торговли и перевода денег мигрантами — превратил финансовый кризис в социальный кризис” [Alexander, 2010: p. 118]. Более того, американские политологи Л. Джекобс и Д. Кинг считают, что современный финансово-экономический кризис, развившийся в эпицентре глобального неолиберального капитализма, имеет политический характер. “Американская экономика и финансовые институты в настоящее время испытывают такое падение курса акций, какого у нас не было никогда со времени Великой депрессии 1930-х годов... Несмотря на сосредоточение основного внимания на ошибках Уолл-стрит и ключевых отраслей промышленности, *нынешний экономический и финансовый обвал по существу является политическим кризисом американского государства*” [Jacobs, King, 2009: p. 277], — пишут названные авторы. Тектонические сдвиги на хозяйственном ландшафте мира, вызванные нынешним глобальным финансово-экономическим кризисом, грозят перерасти в обозримом будущем в крупномасштабные социальные и политические потрясения во многих регионах нашей планеты. В этом контексте анализ социальных последствий новой Великой депрессии приобретает особую научную и практическую актуальность в настоящее время.

Влияние глобальной депрессии на занятость трудящихся в эпицентре кризиса

Многие исследователи современного глобального финансово-экономического кризиса справедливо сравнивают его влияние на положение трудя-

щихся с цунами, разрушающими и опустошающими нашу планету в последние годы. Текущий кризис не только существенно обострил старые проблемы труда, но и привел к возникновению новых трудностей во всем мире. В результате во всех странах мира, зажатых в тиски нынешнего кризиса, происходит как *абсолютное*, так и *относительное ухудшение* социально-экономического положения рабочего класса. Рост “социальной нищеты”, то есть несоответствия между положением трудящихся масс и уровнем жизни буржуазии [Ленин, с. 218], является характерным сегодня как для богатых стран глобального Севера, так и для бедных стран глобального Юга. Наиболее типичной и широко распространенной формой абсолютного ухудшения положения рабочего класса в мире капитала в настоящее время является *нисходящая циклическая динамика доходов основной массы населения*, прежде всего снижение реальной заработной платы и отставание роста реальной зарплаты от роста исторически складывающихся потребностей трудящихся. *Относительное ухудшение* положения пролетариата в условиях современного глобального системного кризиса отчетливо прослеживается на фоне сокращения доли рабочего класса в национальном доходе и богатстве во всех капиталистических странах, в том числе относящихся к так называемому “золотому миллиарду” планеты, где очаги роскоши чередуются с анклавами нищеты, ставшими центрами нового феномена на рубеже веков — “третьемиризации” многих стран “первого мира”.

Тенденция к абсолютному и относительному ухудшению положения рабочего класса в западных капиталистических странах наметилась в последние годы “золотого века” или “славного тридцатилетия” американского империализма после Второй мировой войны (1945–1973 годы) и получила затем интенсивное развитие в рамках глобального неолиберального капитализма. Исторические корни последнего обозначились на пороге 1980-х годов, когда новая социальная структура накопления капитала и экономической экспансии стала усиленно насаждаться президентом США Рональдом Рейганом и премьер-министром Великобритании Маргарет Тэтчер в возглавляемых ими, а затем и в других странах. Внедрению новой социальной структуры накопления в Новом и Старом Свете предшествовал так называемый чилийский эксперимент. В ходе его осуществления “чикагские мальчики” вкупе с пиночетовскими генералами успешно опробовали лечение “больной экономики” методами “шоковой терапии” в соответствии с рецептами, предписанными им профессором Чикагского университета Милтоном Фридманом. Канадский социолог Наоми Кляйн справедливо отмечает, что “правила Фридмана относительно свободного рынка и хитроумные тактики их внедрения принесли некоторым людям величайшее благоденствие и почти абсолютную свободу — свободу игнорировать границы между странами, свободу от постороннего контроля и налогов, свободу накапливать все новые богатства” [Кляйн, 2009: с. 77]. Однако внедрение этих “правил игры” во всех странах мира легло тяжелым бременем на плечи людей труда. Для подтверждения этого вывода достаточно сослаться на то, что реальная почасовая зарплата несельскохозяйственных рабочих в США достигла пика в 1972-м, но к 2006 году вновь упала до уровня 1967-го. Доля расходов на выплату зарплаты и жалованья в ВВП упала с 53% в 1970-м до 46% в 2006 году. Примерно такая же тенденция в стагнации трудовых доходов лиц наемного труда отмечалась в то время в Европе и Японии [Foster, 2010].

“Новая экономика” в США и других западных странах оказалась старым вином в новых бутылках. Она не оправдала возлагавшихся на нее надежд, так как не только не решила старые проблемы, но и добавила к ним новые, не имеющие аналогов в прошлом. Об одной из них, связанной с “экспортом” рабочих мест “убегающими” ТНК, рассказал бывший помощник министра финансов США в первом правительстве Рейгана, бывший помощник редактора газеты деловых кругов США “Уолл-стрит джорнел”, профессор экономики Пол Робертс, который так описывает положение на американском рынке труда: “Джо Смит встал рано, проснувшись по звонку будильника (сделанного в Китае) в 6 часов утра. Пока в кофейнике (сделанном в Китае) готовился кофе, он побрился электробритвой (сделанной в Гонконге). Затем он одел рубашку (сделанную в Шри-Ланке) и дизайнерские джинсы (сделанные в Сингапуре), обул кроссовки (сделанные в Корее). После приготовления завтрака в электрической кастрюле (сделанной в Индии) он занялся сверкой бюджета на текущий день с помощью калькулятора (сделанного в Мексике). После сверки часов (сделанных в Тайване) с сигналами радиоприемника (сделанного в Индии) он сел в автомобиль (сделанный в Японии) и продолжил поиски АМЕРИКАНСКОЙ работы. В конце еще одного обескураживающего и безуспешного дня Джо решил расслабиться. Он обул сандалии (сделанные в Бразилии), налил себе стакан вина (сделанного в Чили), включил телевизор (сделанный в Индонезии) и выразил удивление, почему он не может найти работу в Америке” [Roberts, 2003].

Миллионы американцев, подобных Джо Смицу, в наши дни не могут решить проблему занятости в своей стране потому, что в большинстве городов в “индустриальном сердце” Америки в конце XX — начале XXI века одно за другим закрывались и перебазировались в Мексику, Китай и другие зарубежные страны десятки традиционных промышленных предприятий. Последние сплошь и рядом объявлялись реликтами индустриальной эпохи, а “новая экономика”, рассчитанная на мастерство и особую профессиональную подготовку новой рабочей силы — “золотых воротничков”, не спешила заполнить образовавшиеся ниши в ставших в одночасье “постиндустриальными” бывших промышленных городах. В результате передислокации “убегающих” корпораций в страны с квалифицированной, но дешевой рабочей силой в США только после 2000 года было потеряно в общей сложности 5,6 млн рабочих мест, или третья часть всех рабочих мест, имевшихся в то время в американской обрабатывающей промышленности Брошенные буржуазным государством и хозяйской властью на произвол судьбы, рабочие в этих якобы “постиндустриальных” городах в лучшем случае находили работу в сфере услуг, где почасовая оплата труда была примерно в три раза ниже, чем в обрабатывающей промышленности США. В худшем случае они вынуждены были перебиваться случайными заработками и, по мере возможности, жить в кредит [Vubee, 2010].

“Новая экономика” и государственные власти всячески поощряли потребление в кредит, которое должно было стать отвлекающим маневром в операции по переключению внимания общественного мнения в стране с военных проблем армии США в Афганистане и Ираке на более низменные потребленческие проблемы. Это привело к тому, что суммарный личный долг среднего американца в начале текущего века равнялся 100% его личного дохода [Roberts, 2003], что стало одной из главных причин финансового краха в США и возврата, в конечном итоге, капиталистического мира к депрессив-

ной экономике. В интерпретации выдающегося американского экономиста, лауреата Нобелевской премии в области экономики (2008), профессора Принстонского университета Пола Кругмана депрессивная экономика *“означает, что впервые за много лет слабость экономики спроса (частные расходы, недостаточные для того, чтобы в полной мере загрузить имеющиеся производственные мощности) стала наглядным для всех действующим ограничением, препятствующим процветанию большей части мира”* [Кругман, 2009: с. 282–283]. Практически в данном случае речь идет о экономическом кризисе перепроизводства, который всесторонне разработан марксистской политэкономией и сводится в основном к перепроизводству товаров и резкому обострению трудностей их сбыта в результате падения платежеспособного спроса основной части населения — трудящихся. Эта фаза капиталистического цикла характеризуется сокращением производства, массовым закрытием предприятий, резким падением жизненного уровня трудового народа, повсеместным расстройством торговли, нарушением денежных и кредитных отношений, банкротством промышленных, торговых и банковских фирм. Именно это происходит ныне на Западе и ведет к повышению степени эксплуатации трудового народа.

Справедливости ради необходимо отметить, что абсолютная и относительная деградация уровня жизни и положения трудящихся в США и других странах “золотого миллиарда” началась до нынешнего кризиса и является следствием насаждения американского варианта неолиберального капитализма, который был взят на вооружение другими западными странами с незначительными изменениями. Основное содержание неолиберализма на изломе веков выражается в следующих элементах: 1) дерегулирование бизнеса и финансов внутри страны и в международном масштабе, чтобы позволить господствовать так называемому “свободному рынку” и добиться свободного движения капитала; 2) приватизация многих государственных услуг; 3) отказ от дискреционной финансово-бюджетной политики, направленной на смягчение протекания экономического цикла и поддержание относительно низкого уровня безработицы; 4) резкое снижение государственных расходов; 5) снижение налогообложения бизнеса и богатых индивидов; 6) наступление большого бизнеса и государства на профсоюзы; 7) переход в трудовом процессе от использования работников, нанимаемых на длительный срок, к увеличению использования временных рабочих (служащих) и работающих на неполную ставку; 8) неограниченная, беспощадная конкуренция вместо “взаимно уважительного поведения”, характерного для практики больших корпораций в период послевоенного регулируемого капитализма; и 9) введение в действие рыночных принципов внутри крупных корпораций, включая переход от выборов главных исполнительных директоров из числа карьерных работников фирмы к их найму за пределами фирмы на рынке главных исполнительных директоров [Kotz, 2009: p. 307].

В последнее время американские средства массовой информации акцентируют особое внимание на том, что резервная армия труда в США приближается к 10%. Однако имеются все основания полагать, что в действительности уровень безработицы в США намного выше. Как говорят американцы, статистика — наука точная и никогда не врёт, но люди, которые делают статистику, врут если не постоянно, то, по крайней мере, довольно часто. Особенно в целях “взвинчивания” политической конъюнктуры власть имущих и правящих политических элит. По мнению П.Роберта, публикуемые в США дан-

ные о положении дел на рынке рабочей силы весьма далеки от объективной оценки занятости американских трудящихся. В связи с этим он подчеркивает: **“Новая экономика”** является мистификацией подобно большинству всего иного, что скармливают американцам купленные и хорошо оплачиваемые медиа. Нет никакой новой экономики, но есть безработная экономика. Вынесенный в заголовки газет уровень безработицы чуть превышает 10%. Реальный уровень безработицы, измеренный в соответствии с текущей методологией, составляет 17%. Уровень безработицы, измеренный в соответствии с методологией 1980 года, равняется 22%” [Roberts, 2010].

За каждым процентным пунктом прироста безработицы во многих странах Старого и Нового Света стоят изломанные судьбы миллионов “лишних” людей, оставшихся без работы и зачастую без средств к существованию, обреченных на нищенский уровень жизни. Потеря трудового дохода и других выплат в США, как правило, сопровождается быстрой деградацией всего образа жизни, включая утрату дома и другой недвижимости, отсрочку планов получения или повышения образования, ухудшение медицинского обслуживания и качества питания и т.д. Сочетание всех этих или многих из этих факторов оказывает крайне негативное влияние на состояние здоровья безработного. На основании исследования этого вопроса американские экономисты Барри Блустоун и Беннетт Харрисон пришли к выводу-прогнозу о том, что увеличение уровня безработицы на 1% при сохранении ее на этом уровне более шести лет в конечном итоге приведет к 37 000 смертей (в т.ч. к 920 случаям самоубийств и 650 случаям убийств, к 4 000 поступлений в психиатрическую больницу и 3 300 случаям водворения в тюрьму. Негативные последствия безработицы так же тяжелы и жестоки для женщин, как и для мужчин. В результате изучения образа жизни безработных женщин в Великобритания было установлено, что прекращение ими ежедневного взаимодействия с товарищами по работе приводит к тому, что 67% из них испытывают чувство одиночества, а 34% — упадок психического здоровья [Hodson, Sullivan, 1990: p. 117–118].

В условиях нынешнего глобального финансово-экономического кризиса безработица в США приобретает все более массовый и длительный характер. По последним данным Бюро статистики труда Министерства труда США, в марте этого года безработица продолжала оставаться на уровне 9,7% и составила 15 млн чел. Занятость продолжала сокращаться в финансовом и информационном секторе и составила — 21 000 рабочих мест в первом секторе и — 12 000 рабочих мест во втором секторе. Уровень безработицы среди взрослых мужчин равнялся 10%, среди взрослых женщин — 8%, среди подростков — 26,1%, среди белых — 8,8%, среди черных — 16,5%, среди латиноамериканцев — 12,6%. Долгосрочная безработица (27 недель и дольше) в марте этого года увеличилась на 414 тыс. и достигла 6,5 млн чел., что составляет 44,1% от всех безработных. В марте этого же года количество работников, вынужденно занятых по экономическим причинам неполный трудовой день, то есть частично безработных, увеличилось до 9,1 млн чел. Эти люди работали неполный рабочий день то ли потому, что продолжительность их рабочего дня была сокращена, то ли потому, что они не могли найти работу с занятостью на полный рабочий день [Economic News Release, 2010]. Ухудшение условий продажи рабочей силы в условиях кризиса обрекает значительную часть рабочих на вынужденное безделье со всеми вытекающими отсюда негативными и деструктивными социальными последствиями.

Наличие огромной армии “лишних людей” отрицательно влияет на положение в США тех, кто продолжает трудиться, за исключением представителей хозяйской власти, для которых кризис стал дополнительным средством утоления “жажды наживы”. В то время как процент безработицы приблизился к двузначным цифрам, резко падает заработная плата и сокращаются потребительские расходы трудового народа, корпоративная прибыль и бонусы топ-менеджеров упорно ползут вверх. Ухудшение социально-экономического положения рабочего класса четко прослеживается при рассмотрении статистических данных, характеризующих динамику производительности в США. В IV квартале 2009 года, когда ВВП в стране вырос на 5,6%, рост производительности труда приблизился к 6,9% в годовом исчислении, издержки на рабочую силу в единице продукции упали на 5,9%, почасовая заработная плата американского рабочего с учетом инфляции была ниже на 2,8% по сравнению с III кварталом 2009 года. Эти цифры свидетельствуют о резкой интенсификации эксплуатации рабочей силы в США и служат убедительным признаком классового характера “восстановления” экономики США, которое сводится к восстановлению прибылей и богатства финансовой элиты при одновременном падении жизненного уровня огромного большинства американцев, что ведет к дальнейшему классовому расслоению американского общества и дальнейшему усилению социального неравенства в американском обществе [Grey, s.a.].

Рецидив Великой депрессии в США с ее вечными атрибутами в виде безработицы и мириадами банкротств коренным образом изменил социальный профиль Америки на пороге XXI века. В настоящее время 40 млн американцев (13% населения самой богатой страны в мире) находится за чертой бедности. В их число входят и безработные, и “работающие бедные”, то есть люди, занятые полный или неполный рабочий день, но получающие за свой труд заработную плату ниже официального уровня бедности. Американская бедность имеет ярко выраженный расистский профиль: большинство бедных под сенью Статуи Свободы составляют национальные меньшинства, в том числе 25% афро-американцев и 23% латиноамериканцев. Для сравнения отметим, что удельный вес белых, оказавшихся за чертой бедности в США в условиях кризиса, равняется 9%. Один из восьми взрослых американцев и один из четырех американских детей пользуются продовольственными талонами, которые выдаются нуждающимся гражданам страны в рамках специальной социальной программы. Общее количество таких граждан в США превышает сегодня 36 млн чел. и увеличивается ежедневно на 20 тыс. чел. В стране насчитывается 239 графств, в которых по меньшей мере четверть населения живет на продовольственные талоны [Marshall, 2010].

С 2008 года в США резко увеличилась численность бездомных и голодающих людей, что повлекло за собой массовое переселение жертв ипотечного кризиса в палаточные городки и выстраивание их в длинные очереди у благотворительных “суповых кухонь”. В связи с этим британская газета “Guardian” не так давно писала: “Палаточные городки, напоминающие о “гувервилях” времен Великой депрессии, возникли в городах по всем Соединенным Штатам — от Рено в штате Невада до Тампе во Флориде, поскольку переход заложенной недвижимости в собственность залогодержателя вынуждает семьи среднего класса покинуть их дома”. (“Гувервилями” в США нарекли “поселки Гувера” (президента США в 1929–1933 годах), которые представляли собой трущобы или “поселки” из “домов”, собранных безработными для

проживания из картонных коробок, старых железных листов и прочего хлама в период экономического кризиса 1929–1933 годов). Британской “Guardian” по этому вопросу вторит немецкий “Spiegel”, который, рассказывая о трудной судьбе ныне попавшего в бедность американского среднего класса, пишет: “Финансовый кризис в США вызвал социальный кризис исторических размеров. Суповые кухни внезапно стали пользоваться большим спросом, палаточные городки выросли в тени сверкающих офисных башен”. Рост числа безработных, бездомных и голодающих людей в США повлек за собой беспрецедентный всплеск преступности в стране; апрель 2009 г. стал самым кровавым месяцем в криминальной истории США [Marshall, 2010].

Характеристика состояния занятости в США будет неполной, если не отметить, что образование в “новой экономике” более не является надежной гарантией экономической безопасности. По расчетам американских экономистов, примерно 40 млн рабочих мест инженеров, компьютерных программистов, лабораторных техников и других специалистов с высшим образованием могут “экспортироваться” из США в Индию и Китай, где имеется возможность найма компетентных профессионалов для выполнения их работы за гораздо меньшую плату. Несмотря на то, что США делают большой упор на развитие в новом веке “экономики, основанной на знании”, перспективы создания новых рабочих мест в ней не вызывают оптимизма. Согласно проектам Министерства труда США, из 30 профессий, которые должны будут обеспечивать самый большой рост рабочих мест в следующем десятилетии, 23 не требуют образования в объеме университетского колледжа, а ряд из них не требует даже специальной подготовки. К 2018 году только 22% проектируемых новых рабочих мест будут требовать наличия, по крайней мере, диплома бакалавра; 55% проектируемого прироста рабочих мест относятся к категории оплаты труда на уровне не более 32 380 долл. в год, что весьма скромно по американским меркам, и сделает “американскую мечту” недостижимой для большей части нового пополнения трудовой Америки и американских домохозяйств [Вубе, 2010]. Такие скромные доходы перечеркнут надежды их получателей войти в состав “среднего класса”, ряды которого редуют с каждым днем в США в условиях глобального кризиса.

Обострение проблемы безработицы в ЕС в условиях глобального кризиса

В последнее время проблема безработицы также резко обострилась в странах ЕС вследствие беспрецедентности современного кризиса глобальных финансовых рынков и текущего глобального спада производства. После нескольких лет относительно высокого экономического роста и создания рабочих мест (накануне кризиса в ЕС в 2005–2008 годах было создано дополнительно 9,7 млн новых рабочих мест) безработица вновь стала одним из самых серьезных вызовов для европейцев и заняла одно из главных мест в брюссельской повестке дня. Это было обусловлено тем, что по расчетам рабочих органов ЕС, выполненным в конце 2009-го, Европа может потерять более 7 млн рабочих мест в течение 2009–2010 годов, а уровень безработицы к 2010-му должен был превысить 10%, несмотря на все принимаемые меры по обузданию роста безработицы посредством сокращения продолжительности рабочего времени или расширения временного использования частично занятых работников. Поскольку рынки рабочей силы реагируют на изменение

экономических условий с определенным временным отставанием (“лагом”), положение с занятостью трудящихся может продолжать ухудшаться в некоторых странах ЕС даже после того, как европейское хозяйство станет на путь выздоровления и восстановления [Communications, 2009: p. 2–3].

В 2008 году безработица в 27 странах ЕС (далее ЕС-27) оставалась на более-менее стабильном уровне даже после того, как ухудшение экономической ситуации в Европе остановило достаточно сильную тенденцию к снижению в динамике безработицы, имевшую место в ЕС-27 в течение предыдущих трех лет. В то же время гендерное распределение безработицы в ЕС-27 имело свои особенности. Безработица среди мужчин в 2008 году находилась примерно на том же уровне (6,6%), что и в 2007-м. Однако безработица среди женщин, которых, как правило, в капиталистическом мире последними нанимают на работу и первыми увольняют с работы, по сравнению с предыдущим годом даже несколько сократилась — с 7,8% до 7,5%. Это объясняется тем, что текущий экономический кризис в большей мере затронул те отрасли экономики, в которых традиционно преобладает мужская рабочая сила — это строительство, транспорт, автосборочная промышленность, складское хозяйство [Employment, 2009: p. 17].

В среднем уровень безработицы в ЕС-27 в 2008 году составлял 7%, однако в ряде стран он был значительно выше, например, в Испании — 11,3%, Словакии — 9,5%. Более высокий, чем средний в ЕС, уровень безработицы был в Венгрии, Франции, Португалии, Греции, Латвии, Германии и Польше. Безработица ниже 4% была зарегистрирована в Нидерландах, Дании, Австрии и на Кипре. Как и в прошлые годы, в ряде стран уровень безработицы среди женщин был выше, чем среди мужчин. В частности, это относится к Греции, где безработица среди женщин была на 6% выше, чем среди мужчин. Противоположная ситуация в области занятости, то есть превышение мужской безработицы над женской, имела место в Румынии, прибалтийских государствах, Германии и Великобритании. В 2008 году долгосрочная безработица (12 месяцев и более) составила 2,6% рабочей силы, хотя в отдельных странах этот показатель был выше. Например, в Словакии, где зафиксирован самый высокий уровень долгосрочной безработицы, этот показатель равнялся 6,6%. К этому следует добавить, что долгосрочной безработице, как правило, в ЕС чаще подвержены женщины, чем мужчины. Например, в Словакии почти 8% женской рабочей силы в 2008 году были жертвами долгосрочной безработицы. За ней следовали Греция (6%), Португалия (4%) и Италия (4%) [Employment, 2009: p. 21].

Особую тревогу прогрессивной европейской общественности и массовых движений с момента начала нынешнего глобального финансово-экономического кризиса вызывает сложное положение молодежи на рынке труда. Это объясняется тем, что молодежная безработица (в возрасте от 15 до 24 лет) в 2008 году хотя и оставалась фактически на уровне предыдущего года, но составляла 15,4% и почти вдвое превышала уровень безработицы среди взрослых (25–54 года). В ряде стран ЕС проблема молодежной безработицы внушает с каждым годом все большую озабоченность, особенно в тех, где этот индикатор достиг или превышает 20%. К таким странам относятся Испания, Греция, Италия и Швеция, где практически каждый пятый молодой человек лишен возможности реализовать свое право на труд [Employment, 2009: p. 22], с которым связано “право каждого на достойный жизненный уровень для него и его семьи, включающий достаточное питание, одеж-

ду и жилище, и на непрерывное улучшение условий жизни” [Права человека, 1986: с. 36], как это зафиксировано в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах человека.

Необходимо отметить, что уровень безработицы в ЕС менее драматичный по сравнению с эпицентром современного глобального финансово-экономического кризиса — США. К августу 2009 года уровень безработицы в ЕС вырос на 2,1% за последние 12 месяцев, а в Соединенных Штатах — на 3,5%. Американские и европейские фирмы использовали различные формы внутренней адаптации к императивам рынка рабочей силы в период кризиса. В США больший упор делался на сокращение численности персонала под предлогом ее “оптимизации”, в странах ЕС — на уменьшение продолжительности рабочего времени. Например, к маю 2009 года в Германии около 1,5 млн рабочих работали по схеме сокращенного рабочего дня. Тем не менее безработица остается серьезной европейской проблемой в кризисные годы. К августу 2009 года уровень безработицы в ЕС увеличился на 2,4% по сравнению с мартом-апрелем 2008 года и достиг 9,1%. В абсолютном выражении безработица в ЕС выросла за тот же период на 5,7 млн чел. и составила с учетом сезонных колебаний 21,9 млн чел. Темпы и уровни безработицы изначально варьировали в разных странах-членах ЕС. Так, безработица примерно удвоилась в течение первого кризисного года в Ирландии и Испании и утроилась в странах Прибалтики [Employment, 2009: p. 32].

В отличие от ЕС, американский средний и малый бизнес продолжает практику сокращения и увольнения рабочей силы и намерен это делать и дальше вплоть до полного прекращения депрессии, которой пока не видно конца. Согласно проведенному в апреле 2009 года опросу, 92% представителей среднего и малого бизнеса в США не видят перспектив какого-либо оживления экономики в ближайшие 14–18 месяцев. Поэтому, по признанию американской прогностической фирмы “International Forecaster” от 14 апреля 2010 года, вероятность найти какую-либо работу в США находится сегодня на самом низком уровне с 1948 года. Прогноз названной фирмы не вселяет оптимизма и в отношении будущего трудовой Америки. В нем, в частности, говорится: “Тем из вас, кому сегодня 60 и более лет, придется провести следующие 25 лет в борьбе за выживание в условиях одной из самых тяжелых депрессий в истории или делать все, что в ваших силах, для поддержки ваших детей и внуков” [Charman, s.a.]. В этом контексте необходимо отметить, что положение рабочего класса в Западной Европе несколько лучше по сравнению с США благодаря более высокому уровню сопротивления профсоюзного движения политике перекалывания всей тяжести кризиса на плечи трудового народа.

Прирост безработицы в ЕС, которая увеличилась к августу 2009 года на 2,9% для мужчин (до 9,1%) и на 1,7% для женщин (до 9%), происходил в основном за счет мужчин. В результате этого уровень мужской безработицы в ЕС в июне 2008-го впервые превзошел уровень женской безработицы. Что касается распределения безработицы в абсолютных терминах по различным возрастным группам, то в течение последнего года, предшествующего выходу в свет доклада Генерального директората по вопросам занятости, социальных отношений и равных возможностей Еврокомиссии “Занятость в Европе 2009”, который был завершен его авторами в октябре 2009-го, две трети прироста безработицы дали мужчины в возрасте от 25 до 54 лет, четвертую часть — молодежь, а около 8,7% — люди в возрасте 55 лет и старше.

Однако в относительных терминах по отношению ко второму кварталу 2008 года безработица для всех возрастных групп выросла примерно на 30%: 27% для молодежи, 31% для рабочих в возрасте от 25 до 54 лет и 29% для лиц в возрасте 55 лет и старше. Анализ безработицы в ЕС в терминах профессиональных групп показывает, что больше всего от нее страдают малоквалифицированные рабочие, в терминах национальных групп — мигранты, особенно выходцы из стран, не входящих в состав ЕС [Employment, 2009: p. 38–40].

Претворение в жизнь социально-экономических канонов неолитерализма в Европе стало одной из причин не только интенсификации безработицы, но и современного системного кризиса капитализма в Старом Свете, а неспособность его кормчих отказаться от моделей экономического роста по-американски тормозит выход экономики ЕС из депрессии. Практически весь европейский инструментарий борьбы с безработицей сводится к использованию четырех видов *гибкости*, которая стала волшебным словом в среде сторонников неолитеральных моделей капитализма. Речь идет о гибкости численности, функциональной гибкости, временной гибкости и гибкости заработной платы. *Гибкость численности занятых (numerical flexibility)* означает способность фирмы менять количество занятых и тип занятости (например, использовать на производстве схему частичной занятости). *Функциональная гибкость (functional flexibility)* представляет собой одну из форм адаптации фирмы к изменениям рыночной конъюнктуры и заключается в способности фирмы изменять функциональные обязанности, время работы (например, при падении производства можно уменьшить количество рабочих часов или переквалифицировать работников за счет фирмы). *Временная гибкость (temporal flexibility)* — это гибкость рабочего времени (способность фирмы варьировать часы работы так, чтобы они соответствовали требованиям производства или технологического цикла (например, использование неполных рабочих дней; определение норматива рабочих часов на неделю, который может быть самостоятельно распределен работником по дням и т. п.). *Гибкость заработной платы (wage flexibility)* означает способность заработной платы реагировать на изменения спроса или предложения труда на рынке (например, в результате применения мер государственного регулирования).

Вполне понятно, что все четыре названных вида гибкости преследуют одну и ту же цель — минимизировать потери бизнеса в новых (неолитеральных) условиях за счет экономии на издержках труда и усилении эксплуатации рабочего класса. Но, как показывает нынешняя практика капиталистического хозяйствования и накопления, они обладают весьма ограниченными возможностями в преодолении безработицы в период депрессии и подводят итоговую черту под “золотым веком” фордизма, основные гарантии которого (например, законодательство в области защиты занятости, социального обеспечения, индустриальных отношений) рассматриваются сегодня не иначе как институциональная основа “евросклероза”, который поразил европейские рынки рабочей силы и лишил их способности реабсорбировать безработицу, созданную вследствие в основном общих шоков, начиная с повышения цен на нефть и заканчивая снижением роста производительности труда. К этому необходимо добавить, что больше всего страдают от расширения гибкости занятости неквалифицированные рабочие, а также рабочие сферы услуг, выполняющие рутинные операции [Barbieri, 2009: p. 621–622, 625].

Это ведет к дальнейшему ухудшению положения рабочего класса, и прежде всего на рынке труда. По последним данным Статистического управления ЕС (Евростат), безработица с учетом сезонных колебаний выросла в 16 странах еврозоны (Австрия, Бельгия, Германия, Греция, Ирландия, Испания, Италия, Кипр, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Португалия, Словакия, Словения, Финляндия, Франция) с 9,9% в январе 2010-го до 10% в феврале 2010 года. В феврале 2009 года этот показатель находился на уровне 8,3%. В целом в 27 странах ЕС (Австрия, Бельгия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Кипр, Латвия, Литва, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Польша, Португалия, Румыния, Словакия, Словения, Финляндия, Франция, Чехия, Швеция, Эстония) безработица в феврале 2010 года составила 9,6%. Это на 1,3% больше, чем по итогам февраля 2009-го. Численность безработных в ЕС превышает 23 млн чел., из них в еврозоне — 15,7 млн чел. Наибольший прирост резервной армии труда в период между IV кварталом 2008 года и IV кварталом 2009-го был зарегистрирован в Латвии (с 13,2% до 21,7%), Эстонии (с 7,6% до 15,5%) и Литве (с 8,1% до 15,8%). Среди мужчин уровень безработицы в ЕС увеличился с 6,3% до 7,2%, среди женщин — с 7,4% до 7,7%, среди молодежи (до 25 лет) — с 14,7% до 16,6% [Eurostat, 2009: p. 1–2]. Приведенные данные убедительно говорят о том, что на пути к “выздоровлению” и восстановлению экономики ЕС, как и США, предстоит преодолеть “дистанцию огромного размера”.

* * *

Современный глобальный финансово-экономический кризис свидетельствует о полной несостоятельности “новой экономики” в разрешении основного противоречия капитализма, которое заключается в периодическом повторении экономических кризисов. При всех особенностях возникновения, развития и продолжения нынешней “реплики” Великой депрессии 1929–1933 годов она является характерным воплощением обострения противоречий между производством и потреблением, которые еще больше накапливаются сегодня в результате обострения проблемы безработицы в странах “золотого миллиарда”. Погружение глобального капитализма на пороге XXI века в “черную дыру” хищнического расточения производительных сил служит убедительным доказательством полного краха прежде всего американской модели ковбойского капитализма в неолиберальной упаковке, которая навязана в последние десятилетия всему миру, в том числе постсоциалистическим странам, в качестве образца для подражания. Следуя в русле этой модели, большинство из них уже стали на путь необратимой деградации во многих отношениях, наивно поверив в сказки своих западных менторов о бескризисном развитии в рамках “новой экономики”.

Поэтому выход этих стран, и в частности Украины, из исторического тупика, в который их завели или загнали с помощью западной “транзитологии”, лежит в плоскости полного отказа от затянувшегося “неолиберального” эксперимента и требует поиска и претворения в жизнь собственной модели социально-экономического и политического развития — более прогрессивной, более гуманной, более справедливой, более демократичной. Это — очень трудная задача, особенно с учетом того, что современный глобальный капитализм может предпринять попытку преодоления нынешнего кризиса посредством втягивания народов мира в новую кровавую бойню —

новую мировую войну, как это неоднократно было в истории человечества, как и в случае Великой депрессии 1929–1933 годов. Однако именно и только решение этой невероятно сложной задачи дает шанс на выживание народам мира, обрекаемым на то, чтоб обслуживать интересы сильных мира сего в странах “золотого миллиарда” планеты, в том числе и украинскому народу. Иного не дано! Особенно в нынешних условиях, когда глобальный капитализм, вступая в век дефицита ресурсов, все больше и больше исчерпывает мирные резервы своего развития и делает все большую ставку ради продления своего существования на войну и организованное насилие.

Литература

Гринин Л.Е. Глобальный кризис в ретроспективе: Краткая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена / Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев; отв. ред. С.Ю. Малков. — М.: Книжный дом “ЛИБРОКОМ”, 2010.

Гэлбрейт Дж.К. Великий крах 1929 года / Дж.К. Гэлбрейт; пер. с англ. С.Э. Борич. — Минск: Попурри, 2009.

Европа поумерила амбиции: “стратегия 2020” учла ошибки прошлого [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.prime-tass.ru/news/articles/-201/%7BB9D479FD-5FD2-4BEC-92BF-1F9F2CC60729%7D.uif>.

Зомбанакис М.А. Причины и последствия мирового финансового кризиса: выступление перед депутатами Государственной думы, аспирантами и студентами факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова, 24 апр. 2009 г. / М.А. Зомбанакис; пер. с англ. — М.: Едиториал УРСС, 2009.

Кляйн Н. Доктрина шока / Н. Кляйн; пер. с англ. — М.: Добрая книга, 2009.

Кобяков А.Б. Закат империи доллара и конец “Рах Americana” / А.Б. Кобяков, М.Л. Хазин. — М.: Вече, 2003.

Кругман П. Возвращение Великой депрессии? Мировой кризис глазами нобелевского лауреата / П. Кругман; пер. с англ. В.Н. Егорова; под ред. М.Г. Делягина, Л.А. Амелехина. — М.: Эксмо, 2009.

Ленин В.И. Полн. собр. соч. / Ленин В.И. — М.: Госполитиздат, 1959. — Т. 4.

Мир после кризиса. Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир: Доклад Национального разведывательного совета США. — М.: Европа, 2009.

Права человека: сб. междунар. документов / сост. и автор вступ. статьи Л.Н. Шестаков. — М.: Изд-во Москов. ун-та, 1986.

Alexander D. The Impact of the Economic Crisis on the World Poorest Countries / D. Alexander // Global Policy. — 2010. — January. — P. 118–120.

Arestis Ph. Financial globalisation and crisis, institutional transformation and equity / Ph. Arestis, A. Singh // Cambridge Journal of Economics. — 2010. — March. — P. 225–238.

Aspinwall M. NAFTA-ization: Regionalization and Domestic Political Adjustment in the North American Economic Area / M. Aspinwall // Journal of Common Market Studies. — 2009. — January. — P. 1–24.

Barbieri P. Flexible Employment and Inequality in Europe / P. Barbieri // European Sociological Review. — 2009. — December. — P. 621–628.

Barkawi T. ‘Small Wars’ and Big Consequences: From Korea to Iraq / T. Barkawi // Globalizations. — 2009. — March. — P. 127–131.

Bybee R. ‘Rebound City’ Hustle [Electronic resource] / R. Bybee. — 2010. — March 25. — Mode of access: <http://www.inthesetimes.com/main/article/5694/>.

Chapman B. U.S. Economy: The Move Towards Deflation is Underway [Electronic resource] / B. Chapman. — Mode of access: <http://www.globalresearch.ca/PrintArticle.php?articleId=18666>.

Communications from the Commission. Key Messages from the Employment in Europe 2009 Report / Commission of the European Communities. — Brussels, 23.11.2009 — COM(2009)639 final.

Economic Report of the President. Transmitted to the Congress February 2000. — Washington : Government Printing Office, 2000.

Economic News Release. Employment Situation Summary. USDL-10-0394. April 2, 2010. THE EMPLOYMENT SITUATION – MARCH 2010 [Electronic resource]. — Mode of access : <http://www.bls.gov/news.release/empsit.nr0.htm>.

Employment in Europe 2009 / European Commission. Directorate-General for Employment, Social Affairs and Equal Opportunities. Unit D. 1. — Brussels, 2009.

Eurostat. February 2010. Euro area unemployment rate at 10.0%, EU27 at 9.6% // News Release. 46/2010 – 31 March 2010 [Electronic resource]. — Mode of access : http://epp.eurostat.ec.europa.eu/cache/ITY_PUBLIC/3-31032010-BP/EN/3-31032010-BP-EN.PDF.

Foster J.B. The Age of Monopoly-Finance Capital [Electronic resource] / J.B. Foster // Monthly Review. — 2010. — February. — Mode of access : <http://monthlyreview.org/100201foster.php>.

Global Employment Trends: January 2010 / International Labour Office. — Geneva : ILO, 2010.

Grey B. Unemployment in America: No Economic Recovery for the Working Class [Electronic resource] / B. Grey. — Mode of access : <http://www.globalresearch.ca/PrintArticle.php?articleId=18552>.

Harvey D. WSF: Opening speech at the Urban Reform Tent [Electronic resource] / D. Harvey. — 2009. — 25 February. — Mode of access : http://focusweb.org/india/index2.php?option=com_content&task=view&id=1123&pop=1&page=0&Itemid=27.

Hodson R. The Social Organization of Work / R. Hodson, T.A. Sullivan. — Belmont (Cal.) : Wadsworth Publishing Company, 1990.

Jacobs L. America's Political Crisis: The Unsustainable State in a Time of Unraveling / L. Jacobs, D. King // Political Science & Politics. — 2009. — April. — P. 277–285.

Kotz D.M. The Financial and Economic Crisis of 2008: A Systemic Crisis of Neoliberal Capitalism / D.M. Kotz // Review of Radical Political Economics. — 2009. — Summer. — P. 305–317.

Marshall A.G. When Empire Hits Home, Part 1: War, Racism and the Empire of Poverty [Electronic resource] / A.G. Marshall. 2010. — March 22. — Mode of access : <http://www.globalresearch.ca/PrintArticle.php?articleId=18263>.

Peter I. History of the Internet – the Dotcom bubble / I. Peter [Electronic resource]. — Mode of access : <http://www.nethistory.info/History%20of%20the%20Internet/dotcom.html>.

Raymond T. Global Financial Crisis 2.0 [Electronic resource] / T. Raymond. — 2010. — March 8. — Mode of access : <http://column.global-labour-university.org/2010/01/global-financial-crisis-20.html>.

Roberts P.C. Markets Fail When Humans Are Unregulated [Electronic resource] / P.C. Roberts. — 2010. — February 3. — Mode of access : http://www.vdare.com/roberts/100203_markets.htm.

Roberts P.C. New Economy: Was It All Hype? [Electronic resource] / P.C. Roberts. — 2003. — February 4. — Mode of access : http://vdare.com/roberts/new_economy.htm.

Sloan H.S. Dictionary of Economics / H.S. Sloan, A.J. Zuercher ; 5th ed. — N. Y. : Barnes & Noble Books, 1970.

South Sea Bubble [Electronic resource]. — Mode of access : <http://encyclopedia.farlex.com/p/South%20Sea%20Bubble>.

United Nations. General Assembly. — 2009. — 13 July. — Sixty-third session. Agenda item 48. Resolution adopted by the General Assembly. 63/303. Outcome of the Conference on the World Financial and Economic Crisis and Its Impact on Development.